

Алекс Марин и Денис Кораблев

Прыжок в реальность

А что одиночество значит для тебя?

18+

**Алекс Марин
Денис Кораблёв
Прыжок в реальность**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48452986

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда весь мир с самого детства считает тебя странным, твоими друзьями становятся страхи и иллюзии. Но так не может продолжаться всю жизнь...

В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта <https://unsplash.com> по стандартной лицензии.

Будь, как все

– Ты только посмотри на его отсутствующий взгляд, похоже, он сумасшедший!

Я отчетливо помню, как мои родители смотрели на меня, и мать произносила эти слова. Тогда мне было около десяти лет. Они сидели напротив меня за пустым кухонным столом.

Я совсем не понимал, что они имели в виду, но мое поведение явно их беспокоило и даже немного злило. А меня в тот момент интересовала лишь маленькая черная точка на кафельной плитке, которая определенно выделялась на фоне темно-желтых точек, оставленных брызгами масла.

Я не помню, говорили ли они что-либо еще, но эта реплика застряла у меня в голове.

Именно тогда я и познакомился с мисс Сковронски. Её кабинет находился на первом этаже жилого дома и напоминал морг. Там всегда было темно и холодного. До сих пор не понимаю, как психотерапевт мог вести свои приемы в подобном месте. Оно уже само по себе вгоняло в депрессию. Но только на это у родителей хватило денег.

– Он ненормальный, – почти, что шепотом рассказывала ей мать. Они забыли до конца закрыть дверь в кабинет и я слушал их разговор, разглядывая портрет Януша Корчака. Наверное, врач полячка очень гордилась своим соотечественником, но прямого отношения отношения к психоло-

гии он не имел.

– Что вы имеете в виду, утверждая, что ваш сын ненормальный?

– Он постоянно отстраняется, у него нет друзей и из его интересов самым ярким примером является разглядыванием стен.

– Не только стен, Марли, – подлил масло в огонь отец.

– Он странный парень. В его возрасте я лазал по деревьям и дрался с соседскими мальчишками, он хохотнул и в этот момент мне стало стыдно от того, что отец у меня недалекий придурок.

– Это всё? – спросила мисс Сковронски.

– А разве этого недостаточно? – мать явно было возмущена, что это поведение не кажется ей из ряда вон выходящим.

– Я хотела бы пообщаться с мальчиком.

В кабинете мисс Сковронски стоял едва уловимый запах сырости, перебиваемый приторным ароматом дешевых духов. Я сидел в потертом кресле, местами покрытом застарелыми пятнами. Уже с первых слов мне стал неприятен голос этой немолодой женщины, поэтому я быстро переключил внимание на единственную интересную вещь в кабинете – портрет Корчака. Он смотрел на меня широко открытыми глазами через круглые очки. Я пристально смотрел на эти очки и все происходящее вокруг не имело абсолютно никакого смысла.

И тогда мне в голову пришла одна мысль: почему я должен

спорить с этими тупыми людьми? Зачем мне доказывать им, что со мной все в порядке? Моих же родителей волновало лишь то, что я периодически выпадал из реальной жизни, но что я решаю задачи по тригонометрии в то время, как мои одноклассники считали в пределах ста они не замечали. Им было плевать! Им хотелось убедиться в своей стойкой диктаторской, родительской позиции. Всё что выходит за пределы общепринятой нормы принято отправлять в брак. Я там и находился и не могу сказать, что это меня особо тревожило. Когда ты не такой, как все тебя не трогают, тебя избегают словно ты можешь заразить их неведомой болезнью.

Запах духов бил мне в нос и тошнота поднималась все выше и выше. Мне никогда не нравились резкие запахи и мой организм мгновенно давал реакцию на раздражающий фактор.

Как же орала мисс Сковронски. Честно говоря, ей самой не мешало бы обратиться к психиатру. Мои родители повели себя, как обычно: мать сказала, что я тупой идиот и за что именно ей это наказание, а отец отвесил подзатыльник. Но мои мучения закончились, и я вдохнул полной грудью свежий осенний запах.

Я никого и никогда не буду переубеждать! Никому не стану ничего доказывать. Людям нужно, чтобы ты оправдывал их ожидания, но я не собираюсь этого делать!

Он всегда рядом

Спустя несколько лет, мне поставили диагноз – биполяр-

ное расстройство. Не могу сказать, что был как-то обеспокоен или испытал удивление в связи с данным фактом. К тому времени, на протяжении многих месяцев у меня были периоды резкого изменения настроения, сопровождающиеся постоянными мыслями о смерти. Все это сочеталось с эпизодами опасного поведения и непредсказуемыми поступками. Однажды я присоединился к группе бездомных и потратил все свои деньги на то, чтобы купить для них самый дорогой виски, который только мог себе позволить. После, я танцевал и пел с местными буддистами, не понимая ни слова из текстов мантр. Наутро я обнаружил, что стою на самом краю крыши школы, готовясь совершить прыжок вниз.

Все мои действия воспринимались одноклассниками как обычное дурачество, это им нравилось, я заставлял их смеяться, наверное, поэтому многое мне сходило с рук. В конце концов, такое поведение не кажется необычным для ученика старшей школы. Это и правда казалось мне забавным, но лишь до того момента, когда на одном из уроков я обнаружил следящего за мной через приоткрытую дверь класса мужчину. Стоит ли говорить, что мой друг Энди лишь посмеялся надо мной, подумав, что это очередная шутка, когда я решил обратить его внимание на мужчину за дверью.

Выглядел он очень престранно. Длинное драповое пальто, полы которого доходили почти что до самых щиколоток. Прилизанные длинные волосы на лысеющей макушке. Но что больше всего мне запомнилось – это шрам, который

шёл от подбородка до самого глаза. Было в этом типе что-то мерзкое, что-то противное, от чего бросало в дрожь. У меня в голове всплыл мистер Вандермар о котором рассказывал Гейман. И я даже представил, как он жрёт крысу, а тонкая струйка теплой крови сочиться по его подбородку. Но ещё более странным было то, что я его уже видел... Тогда, с крыши. Он стоял внизу и смотрел на меня, постоянно поглядывая на часы. Точно! Это был именно он. Пока я пытался убедить Энди, что это никакая не шутка, что мне действительно жутко от этого типа, странный чувак, как сквозь землю провалился, и именно тогда Энди решил всё-таки посмотреть о чем я говорю. Он лишь махнул на меня рукой и уставился в учебник по тригонометрии. А я, не спрашивая разрешения, вскочил со своего места и бросился к выходу из класса, а затем и из школы.

После этого случая, на какое-то время я перестал общаться с Энди, да и с остальными товарищами. Казалось, что они лишь держат меня рядом в качестве клоуна или ручной обезьянки, вроде той, что была с шарманщиком на одной из ярмарок, приехавших в наш город. Мерзкое чувство. Я не чувствовал, что могу поделиться с кем-то своими переживаниями. Это был первый момент, когда я понял, что действительно очень одинок. Одиночество пронзало мое тело, обволакивало, им был наполнен воздух вокруг, словно туманом в прохладное осеннее утро.

Она

В тот период жизни я встретил Её. Все, как описано в этих дурацких книгах. Она шла по парку, и солнечные лучи прятались в ее огненно рыжих волосах.

«Девчонка, как девчонка», – буркнул я себе под нос, но я не мог оторвать от нее взгляд. Чувство тоски, подобно чёрной дыре, разрасталось во мне с каждой минутой, беспощадно затягивая всех и вся.

Она мне махнула и от неожиданности я споткнулся и чуть не упал через бордюр. Она расхохоталась и мне показалось, что ничего прекрасней звуков ее голоса я никогда не слышал. Ответив на ее улыбку, я собрал всё своё мужество и подошёл.

– Чувствую себя, как Холден Колфилд, – все, что смог сказать я ей. Ее смех стал ещё громче.

– Если ты так будешь знакомиться с девушками, то тебе точно ничего не светит. «Над пропастью во ржи» одно из моих любимых произведений.

– А я люблю фантастику. Ну, знаешь, где зомби жрут мозги, – какого черта я вообще несу. Кто о таком говорит девушке во время знакомства.

– Тоже неплохо, я бы с радостью сожрала мозги моих подружек. Они им все равно ни к чему! – Я с облегчением выдохнул. Она не высмеивала меня.

– Ты просто хочешь мною воспользоваться, – сказала она, хитро подмигнув.

– О чем ты? Даже мысли такой не возникло.

– Все вы, парни, одинаковые!

– Можешь думать, как угодно, равнять всех и утверждать, что так оно и есть. Я не стану тебя переубеждать. Ты мне нравишься, мне с тобой спокойно и легко. Кто знает, что из этого получится. А может и ничего не получится. – Я громко выдохнул.

– Успокойся! – Я не думала, что это тебя как-то заденет. Знаешь ли, я говорю то, что думаю. И я, кстати, тоже не стану тебе ни в чем переубеждать. Только вот, мир устроен так, что люди считают дозволенным брать все, что им хочется. И плевать им на чувства других.

– О чём ты?

– Не важно, забей.

– Важно! – Мне правда, было важно, то, что происходит. Недавно я смотрел сериал про подростковое насилие. И там девочки высказывались точно так же. И делали они это не просто так. Помню, как я пытался поставить себя на их место, какое мерзкое и низкое чувство меня одолевало.

– Парни считают, что стоим только захотеть, они могут залезть под любую юбку. Что вам чувства? – Она рассмеялась.

– Может, кому-то и наплевать. Но я не из них. Как вообще можно руководствоваться одними инстинктами? Где душа? Где связь? Где разговоры под луной? Где объятья?

– Вот ты мне и скажи, куда это всё подевалось?

– Не знаю. Но я не хочу, как у всех. У меня всю жизнь все по-другому, – сказал я и хохотнул.

Мы продолжали идти по еще влажному после вчерашнего дождя асфальту.

Было слегка прохладно, но внутри появилось что-то, что грело намного лучше осеннего солнца, которое то и дело норовило скрыться за редкими облаками, плывущими по небу. Какими прекрасными мне тогда виделась огненно желтые кроны деревьев, казалось, что весь парк утопал в этой желтизне.

И с ней было приятно даже молчать. Не знаю, как часто происходят в жизни такие встречи, когда не хочется надевать маску и что-то строить из себя.

– У меня биполярное расстройство, – зачем-то, на одном дыхании выпалил я.

– У меня тоже точно есть какое-то расстройство, – ответила она. Насколько легко она это сказала, словно пропуская песок сквозь пальцев.

– Это делает тебя особенным.

– Как это?

– Все стремятся быть в рамках общества, а ты однозначно уже вне их. Эксклюзив.

– Ты хотела сказать – Идиот?

– Если бы хотела, то сказала бы. Мне пора, меня ждут, – и больше ничего не сказав, она ускорила шаг. Подул сильный ветер, листья закружились в этом вихре. Мне стало невероятно пусто. Захотелось свернуться комочком и уснуть. Когда я повернулся, ее уже нигде не было.

Солнце понемногу спускалось к горизонту, застревая между деревьями и домами. Я шел по пустой улице по направлению к дому. Может она и не была пустой, просто я был настолько погружен в себя, снова и снова прокручивая в голове произошедшее, что не замечал никого вокруг. «А я ведь не спросил у него номер телефона... Да что там номер, я даже не знаю как ее зовут! Вот придурок».

Не прошло и часа после нашего внезапного расставания, а я уже хотел снова увидеть ее.

Рассвет первыми лучами скользил по моей подушке, я не смог заснуть ни на минуту. В голове снова и снова прокручивал наш с ней разговор. Я идиот, как же можно быть таким идиотом и нести такую чушь! Кто так вообще говорит! Но больше всего меня убивало, что я мог больше не встретить. Чувство разочарования в себе всю мою осознанную жизнь шло все время рядом со мной. Но сегодня оно казалось мне почти осязаемым, словно вязкая субстанция размазанная по всему телу, проникшая в легкие и сдавившая грудь.

Я все время разочаровывал своих родителей. Но с этим я уже смирился. Чтобы я не делал – я не был слишком хорош для них, а точнее, для них я был слишком плох. Мне кажется, если бы можно было бы перемотать время назад, они бы это непременно сделали и всеми силами предотвратили моё рождение.

Но вчера я разочаровал сам себя, я понял какой я слабак, какой я трус. Мне хотелось забраться под одеяло с головой

и никогда больше не вылезать.

Неслучайные случайности

Я плелся через парк, подбрасывая носком ботинка листья. Свинцовое небо грозило упасть мне на голову, но я не хотел торопиться. Мне казался, что если сейчас польёт дождь, он сможет смыть с меня тени моих не совершенных поступков.

– Надо же, почти на том же месте, – раздался голос за моей спиной. И я остановился, как вкопанный.

– Ты следишь за мной?

– Если ты не заметила, то это ты шла за мной, – кретин, какого Чёрта я несу этот бред.

– Может и так, – сказала она и я не нашелся, что ответить.

– В школу? – я кивнул головой.

– А я на работу.

– Ты не учишься?

– В прошлом году закончила школу Пресвятой Девы.

– О..., – только и смог произнести я.

– Расслабься! Из святости в ней было только название.

Мое лицо расплылось в улыбке, точь-в-точь как у фигурки манэки-нэко, стоявшей в кабинете школьного психолога.

– Проводить тебя? – спросил я после недолгой паузы.

– Спасибо за предложение, но ты уже опаздываешь на урок, – ответила она, мило улыбнувшись, и легким, но быстрым шагом устремилась к выходу из парка.

– Как мне тебя найти?! – только и осталось мне прокричать ей вслед.

– Сегодня вечером, на этом же месте, – донеслось до меня, прежде чем она скрылась за живой изгородью.

У ожидания твои глаза

Я не понимал, что значит вечером. Вечер с 16 до 23 часов. Поэтому я ушел сразу же после литературы, забив на биологию и встречу с психологом. Сейчас мне может помочь только одним человеком, поэтому стоило этим воспользоваться. В 15:30 я стоял возле ворот и думал куда идти. Может, стоит остаться здесь? А если она войдёт с другого входа? А если вообще уже там? Неужели все люди превращаются в таких же идиотов, как я, когда в их жизни появляется человек противоположного пола? Почему в голове пропадают адекватные мысли, а вместо них из ниоткуда берется полнейшая ерунда? Как долго длится это состояние? Моё сердце готовилось совершить побег, проломив грудную клетку. Прошло всего семь минут. Семь гребанных минут, кажушихся вечностью.

Я подошёл ближе к воротам и тогда заметил его – того самого жутковатого типа. Он стоял лицом ко мне и курил сигарету. Нет, не курил, просто держал в руке.

Я достал телефон, посмотрел время. Убрал обратно в карман, забыв, который час. А он так и продолжал неподвижно наблюдать за мной. Холодок пробежал по спине. Он был мне противен. И тут, он совершенно неожиданно направился ко мне, словно в его голове сработала команда. Я попятился назад.

– И давно ты меня ждёшь? – послышался знакомый голос за спиной. Непроизвольно я обернулся и увидел её. А этот тип шёл так быстро и явно не для того, чтобы поздороваться. Никогда не думал, что у меня в голове родится эта мысль, но лучше бы она не приходила. Не опоздала, а вовсе не пришла.

– Эй, что с тобой? – в холодном поту я обернулся. Но никого не было. Тип испарился, как плод моего воображения, а я сжимал со всей силы руку девушки, которая мне нравилась. Хорошее начало...

– С тобой все в порядке? – ее голос был очень взволнованным.

– Да. Кажется. Не уверен...

– Не волнуйся, я рядом, – она положила свободную руку мне на плечо. Вторую я продолжал сжимать, но уже не так сильно. Стало, и правда, намного легче.

– Ты подумал, что я не приду? Поэтому так разнервничался? – волнение в ее голосе сменилось нотками вины.

– Прости, меня немного задержали.

– На работе? – не без интереса уточнил я.

– Можно сказать и так, – загадочно ответила она.

Мы стояли так близко друг к другу, что я смог разглядеть цвет ее глаз и едва заметные веснушки на лице.

– Кажется, мы уже достаточно близки, чтобы узнать твоё имя, – как можно более естественно спросил я.

– Грейс. – это было сказано так мило, что мою естественность будто стерли ластиком и я снова превратился в глупо-

го мальчишку.

– А мое...

– Я знаю твоё имя, – перебила она.

Сейчас я только понял, что значит, когда о тебе заботятся. Конечно же я понимаю, что все это может быть лишь одним мигом, что время может пролететь со скоростью звука и всё что у меня останется, как напоминание о ней лишь ее имя и запах ее духов. Но в этот момент я счастлив. Семнадцать лет жить с осознанием того, что твои родители терпеть тебя не могут, что все твои попытки получить от них хотя бы крупицу любви – Тщетны. Что твоим друзьям ты нравишься весельчаком и человеком с которым не прокатывает слово «слабо». Но ни один не пытался заглянуть за эту маску и узнать меня настоящего. Вечное ощущение, что ты лишний и никому не нужный. Что ты никогда не будешь понят. Я захлебывался своим одиночеством. Оно было моим наказанием, но и единственным, что было у меня. Я знал чего оно от меня ждет, как себя вести, чтобы не сойти с ума. И именно с ним я казался себе не таким пустым, у меня было оно. Звучит это глупо, а вы попробуйте пройти моими ногами эти дороги, тогда уже и поговорим.

Я тот, кто всегда с тобой

Каждый называет меня по-разному. К каждому я прихожу по разным причинам. Но то, что я их пугаю и превращаю их жизни в бесконечную гонку – остается фактом.

Был один тип, наркоторговец, торчок со стажем, для него

я был его отчимом. Стоило мне только показаться ему на глаза, как он становился бледным, как простыня и всё повторял: я все понял, я понял, только убери сигарету. А ведь я и не курил.

Дамочка одна, которая случайно зарезала свою родную сестру, называла меня пожирателем души. Ох, как она рыдала, как же искренне пыталась своими слезами смыть с рук своих кровь.

Я не имею тела, не имею чувств. Все что я испытываю – голод. Бесконечный голод. И поэтому собираю «интересных личностей», как музей мадам Тюссо. Людишки и есть восковые фигуры, плавающие от своей ничтожности. Любители страдать, мастера создавать драмы. Они создали меня. Их жалкие души сами наполни мною каждый миллиметр своего пространства, вытесняя все, что может им помочь.

Каждому хочется, чтобы его кто-нибудь, где-нибудь ждал

Очень больно, когда люди отдаляются от тебя. Именно это и происходило на протяжении всей моей жизни. Они просто не знали, что делать, не могли справиться с ситуацией. Они думали, что нужно «починить» меня, чтобы я стал такой как все, и были разочарованы тем, что ничего не вышло. А мне всего лишь нужна была поддержка, чтобы справиться с изоляцией, к которой привели психологические проблемы. Все, чего мне не хватало, так это близкого человека, который просто будет рядом. И сейчас этот человек появился в моей

жизни.

– Грейс... – произнес я вслух заключительное слово внутреннего монолога.

Оказывается, время летит очень быстро, когда ты хочешь наоборот его замедлить. Осень пролетела, как одна секунда, а я хотел растянуть и «законсервировать» каждое мгновение проведенное с Грейс.

В книгах пишут «растворился в человеке». Когда мне было лет восемь, я думал, что это значит потерять своё тело и жить в теле того, кого ты любишь. Когда мне было четырнадцать, мне казалось, что все влюбленные слабовольные дураки, которые слишком много ноют. А сейчас я сам этот слабовольный дурак, считающий минуты от встречи до встречи. Ни о чем другом не получается думать.

Мы виделись каждый день после школы. Виделись в том же парке. Выходные, когда родители уезжали к тете Мардж, проводили у меня. Я не знал нигде она живёт, ни чем занимается, но у нас всегда было много тем. Казалось, они неисчерпаемы, казалось, что это сон, потому что реальность слишком пресная, чтобы в ней встречались люди в которых тебе хотелось бы «раствориться».

Того типа я больше не видел, но такое чувство, что он всегда был где-то поблизости. Словно выжидал своего часа.

– Почему ты пропустил уже два сеанса у психолога? – как-то за завтраком спросил отец.

– А он думает, нам деньги с неба сыплются, – буркнула

мать.

– Именно. Не хочешь найти себе работу? Все равно ничего приличного из колледжей тебе не светит.

Я почувствовал, как ярость вспыхнула во мне. Неделю назад, в начале декабря мне пришло письмо из Массачусетского технологического института. Кто не знал он престижнее Беркли, но суть не в этом. А в том, что мои родители не менялись и мне не хотелось делиться с ними этой новостью. Осталось повторно пройти тест в апреле и всё, идите вы все к черту! Я ставлю от них ото всех.

Я почувствовал, как воздух перестал попадать в легкие... Все! Все останутся здесь. И Грейс тоже. Меня обдало жаром собственного пожара. Взгляд метался по кухне и в окне я увидел его.

Все что я помню, как вскочил из-за стола и бросился к входной двери.

– А убрать за собой? – остался позади меня голос матери.

На улице шел мокрый снег, сбегая со ступенек я чуть было не совершил сальто. Возле окна никого не было. Оббежав дом я тоже никого не нашёл

Как он это делает? Как проваливается сквозь землю, а потом из ниоткуда выскакивает, как чертик из табакерки?

Привкус правды

В тот вечер мы как обычно прогуливались по парку, свежесвыпавший снег уже успел покрыть все дорожки, но ощущалось что-то неуютное в резком морозном воздухе. Разго-

ворчивая Грейс вдруг стала слишком молчалива и по ее едва заметно нахмуренным бровям можно было понять, что что-то не так.

– Он опять приходил к тебе.

– И все-таки ты следишь за мной! – попытался отшутиться я, но по тому, что на лице Грейс не было и тени улыбки, понял, что сейчас не до шуток. – Правда, откуда ты знаешь? Я не помню, чтобы рассказывал тебе про последний случай.

– Это не важно. Он просто не должен был больше появляться. Я не понимаю...

Удивительно, каким образом она могла знать об этом. Я молчал, как рыба, чтобы не казаться ещё более странным, чем я был. Она ангел хранитель? Что вообще такая девушка, как она могла найти во мне? Откуда она взялась? Почему я так мало знаю о ней?

И тогда я решился задать вопрос, который долгое время стоял в горле, как рыба кость.

– Почему ты со мной?

– В каком смысле? – Уголки ее губ нервно дернулись.

– В самом прямом, Грейс. Я не знаю о тебе ничего, ни где ты работаешь, ни где живешь, ни кто твои родители? Не бывает так, что один человек все время рассказывает о себе, а другой лишь выполняет роль слушателя.

– Мне кажется, ты драматизируешь. Мне нравится слушать тебя, нравится узнавать тебя, нравится находиться рядом, зная, что с тобой все в порядке, – она остановилась, но

было поздно.

– В каком смысле, в порядке? Что ты имеешь в виду?

– Ну..., – было заметно, что Грейс подбирает слова, что она сбита с толку.

– Что ты счастлива...

– То есть, выходит – это твоя миссия? Делать меня счастливым? Ты – господь бог?

– Я не правильно выразилась.

– Так выразишься правильно. Мне нужны ответы. Теперь ответы нужны мне, – злость накатывала волной. Мне не нравилось в каком тоне я говорю с ней, но ничего не мог поделать.

– Я... Просто человек. Обычный...

– А откуда тебе, обычному человеку, известны подробности моей жизни о которых я даже не упоминал?

– Ты говорил, просто забыл...

– Я бы не забыл об этом, Грейс, уж поверь мне! Об этом невозможно забыть! Каждый раз во мне зарождается страх, который напоминает зверя того и гляди готовящегося прыгнуть на меня и сожрать, не оставив и мокрого места. Знаешь ли, о таких вещах невозможно забыть, – я не мог унять дрожь в руках. Мне хотелось кричать и крушить все вокруг.

– Ты сам кормишь его...

– Кого? О ком ты сейчас?

– Ни о ком... я про страх. Побеждает тот зверь, которого ты кормишь.

– Я тебя умоляю, прекрати говорить этими высокопарны-

ми выражениями. Они ни черта не действуют!

– Действуют, если ты действительно хочешь действовать, – ее рука коснулась моего плеча, но я непроизвольно дернул им, что Грейс тут же убрала руку в карман.

– Ты говоришь, как мой психолог. Такие вы мастера слова, целители моей души, копилки с цитатами, всевидящее око.

– Ты злишься – это нормально. Это твои чувства.

– Конечно, нормально. А как мне себя вести? Что я знаю о тебе кроме твоего имени? Что у меня ещё есть, Грейс? Ответь мне! Что у меня ещё есть...

– Ты не должен был ничего знать до тех пор, пока не попрощаешься с прошлым и не уедешь навсегда из этого города.

– Просто скажи мне правду! Я хочу знать что происходит!

– Ты ещё не готов ее услышать. Пожалуйста, пойми, если я скажу тебе, то мы больше никогда не встретимся, а я не хочу оставлять тебя одного.

– Но почему, черт возьми?! Что такого в этой правде?

Грейс стояла и молча смотрела на меня.

– Ты все еще ничего не понял...

– Так объясни мне!

– Мир удивительная штука, – сказала Грейс и повернулась ко мне лицом. Ее глаза были наполнены слезами, но они не спешили убегать, а просто стояли, как застывшее озеро.

– Никто и никогда не может знать, что происходит в твоей голове. Никому не ведома глубина твоей души и время,

за которое ты можешь утонуть, пытаешься всплыть на поверхность. Мозг – это отдельное живое существо и часто он «создает» программу, для самосохранения. Только эта программа все глубже затягивает тебя на глубину, где тихо, безопасно, темно...

– Давай без этого, Грейс! – Но она помогала головой.

– У кого-то это книги, у кого-то фильмы, у кого-то бесчисленные любовные связи, в которых от любви нет ничего. Все это способы побега от реальности. Побега от одиночества, которое на самом деле оказывается хищным зверем, прогрызающим внутри тебя всепожирающую черную дыру. Я знаю, тебе это знакомо, – я хотел было возразить, но Грейс резко пошла вперед.

– Как часто ты придумываешь идеальный мир? Как часто прокручиваешь сцены, диалоги, встречи? Это аналитический отдел твоего мозга. Но помимо анализа, ты наполняешься чувствами, которые, как не всегда радостные и приятные. Мы их называем – тени. Это сомнения, страхи, тревоги, печали, угрызения совести, чувство вины, чувство стыда...

– Отлично! Мы – это мозгоправы?

– Ты глубоко ошибаешься. Никакой врач не поможет человеку, если он сам этого не хочет. Никакое лекарство не будет действовать, если первостепенной задачей не будет являться избавление от боли. Все построено на вере. И когда твои страхи переходят в панику, когда ты боишься всего, отгораживая себя от мира, они обретают форму. И не только в

твоём сознании. Ты сам создаешь их, кормишь их, помогаешь выбраться в твою реальность. Потому что ты привык с этим жить. Ты живешь в этой роли, а им только и нужно, что завладеть тобой и уничтожить. Мозг сигнализирует о том, что он вышел за границы. Но тебе уже настолько страшно, что кажется реальным. Я – порождение твоего одиночества, а Он – твой страх, – Грейс глубоко вздохнула и обернулась. Я не мог смотреть на неё. Мои ноги в секунду превратились в материю, они не могли выдержать всю тяжесть моего тела и я сел прямо на асфальт.

– Ты еще более сумасшедшая, чем я, – крикнул я. Мне было ужасно больно от того, что она выдает себя за плод моего воображения. Это настолько унижительно... Даже родители со всей своей нелюбовью никогда так не унижали меня, как только что это сделала Грейс.

– Ты не сумасшедший! Борьба с самим собой – одна из самых трудных вещей, которые только можно представить. Все, что ты делал, ты делал, для того, чтобы побороть свои страхи, чтобы обратить на себя внимание, чтобы люди поняли тебя. Но этого было недостаточно. Тогда появилась я, чтобы уберечь тебя от боли и саморазрушения. Теперь, когда ты все знаешь, мне придется оставить тебя. Прости, но у нас просто нет другого выхода. Просто закрой глаза и вспомни...

Прыжок в реальность

Я закрыл глаза и время в тот момент остановилось. Я на-

чал вспоминать жизнь, которую всегда изо всех сил старался забыть. Моменты сменяли друг друга словно слайды в проекторе, но ни на одном из слайдов не было Грейс. Не было того типа. Не было моих эмоций... не было ничего из тех двух ярких, противоположных эмоций. Эмоций на грани лезвия ножа. Словно американские горки меня бросало от одного момента к другому. То я сидел в кухне на полу и смотрел на точку, то дети играли, а я подглядывал за ними из-за дерева, то контрольная работа с пятеркой с плюсом, то крики родителей, то психологи, сменяющие один другого. И в этом мире я был один. Всегда. Несмотря на возраст, на время года, на место – я был один.

Когда я открыл глаза никого вокруг не было. Парк был пуст, и сумерки крадучись подбирались к каждому уголку. Мне не хотелось идти домой.

– Приятель, ты, что тут шляешься? – послышался голос за спиной. Это был парень, с которым мы ходили на биологию.

– Домой иду.

– Идём с нами. У Энди вечеринка, – он кивнул головой в сторону парня, который плелся рядом с ним.

– Давай, идём. – Энди протянул мне бутылку в пакете и я сделал большой глоток. Горло обожгло, но это было то, что мне нужно! Да здравствует реальность, какая бы она не была.

В эту ночь у меня даже получилось не думать о том, что произошло накануне. С наступлением утра, по мере того, как алкоголь покидал мой организм, воспоминания болез-

ненно вторгались в мою голову. Я изо всех сил пытался привести мысли в порядок, но чем больше размышлял, тем больше погружался в бездну безысходности. Навязчивые мысли о неизбежности предстоящего выбора не давали покоя.

Мои страхи следовали за мной всюду, куда бы я ни пошел. Бежать от них было совершенно бесполезно, да и какой в этом смысл? Собравшись с силами, я вышел из дома Энди и знакомым с детства маршрутом отправился навстречу своим страхам. Только на этот раз путь через парк казался совершенно чуждым и безжизненным.

По старой памяти, я вновь оказался на краю школьной крыши. Внизу стоял мой старый знакомый со шрамом на лице, но на этот раз он уже не вызывал у меня абсолютно никаких эмоций. Посмотрев на часы, он поднял голову вверх и едва заметно кивнул. В этот момент я сделал шаг и больше никогда его не видел.